

ГЛАВА 7

В какое время мы живем? Характерные черты современного Запада

Постмодернизм и глобализация, а также поразительное увеличение роста как христианства южного полушария, так и исламской веры — вот некоторые из признаков раннего периода XXI столетия. Какой взгляд на историю мог связать вместе такие явно несопоставимые события? Есть ли нечто общее среди такого разнообразия?

Мы считаем, что здесь присутствует общая тема, которую можно лучше понять, если вернуться к мировоззренческому вопросу Н. Т. Райта: «В какое время живет наше общество?» Как мы рассматривали в «Драме Писания», уже происходит пятое действие грандиозной драмы, и сейчас мы готовимся к шестому и заключительному действию, в котором Христос вернется, чтобы полностью восстановить творение, возрождая его для тех целей, которые установлены для него «от создания мира». В пятом действии мировой истории возродившееся течение, которое мы называли мировоззрением эпохи Просвещения, или (более коротко) модернизмом, переживает серьезные трудности. С приходом постмодернизма мы видим упадок модернизма, выражающийся в том, что его внутренние противоречия и радикальная непоследовательность подвергаются ироничной атаке, особенно на Западе. Модернизм как мировоззрение был сформирован мифом прогресса, который гласил, что человечество, в конце концов, достигнет рая на земле с помощью промышленности и своих способностей. Постмодернизм наводит на мысль, что у идола прогресса «глиняные ноги» — открытие, которое вряд ли удивит читателей Библии. Но постмодернизм — не лучший вариант. Модернизм до сих пор формирует большую часть нашей общественной, политической и экономической жизни на рыночной площади. Многие не верят или не могут заставить себя поверить в то, что секрет человеческого счастья не заключается в постоянно растущем материальном процветании. И, таким образом, глобализация — это движение, распространяющее современную либеральную историю по всему миру.

Хотя модернизм (и его распространение через глобализацию) и постмодернизм (хотя и совсем по-иному) утверждают, что они

религиозно нейтральны, мы уже увидели, что это не соответствует действительности, поскольку и тот, и другой стремятся установить устойчивую культуру на основе определенных убеждений. Они принимают независимость человечества от Бога и отвергают нормы творения для мира. На место Бога они поставили человеческий разум или человеческий язык, или материальный прогресс, или какого-то другого идола — но, в любом случае, идола. В XXI веке мы являемся свидетелями возрождения как христианства (особенно в южном полушарии), так и ислама. Несмотря на то, что эти две религии фундаментально противоположны друг другу, они разделяют радикальную неприязнь к западным идолам. Когда мужчина и женщина вне западной сферы влияния наблюдают разрушение модернистской мечты, они, по-видимому, все больше и больше обращаются к библейской вере в Бога творения и искупления или к исламскому альтернативному (но в равной степени всеобъемлющему) мировоззрению.

Если мы хотим жить по евангелию и исполнять его в свое время и на своем месте, нам надо заняться тем, что Джон Стотт называет «двойным слушанием» — одно ухо внимательно слушает Писание и христианские традиции, а другое ухо прислушивается к происходящему в окружающем обществе. Только таким образом мы будем как следует подготовлены, чтобы жить для Христа. Поскольку мировоззрение возникает из истории о мире, а истории затрагивают взаимосвязь отдельных событий, главным вопросом для нас является следующий: «В какое время живет наше общество?»

В этой главе мы будем исследовать, что происходит в западной культуре сегодня, будем пытаться понять, как эти события связаны с религиозными убеждениями, которые управляют нашей культурой. И хотя нам тяжело держать необходимую дистанцию от окружающего нас сложного общества, тем не менее, она важна для нас как для христиан. Незнание того, в какое время живет наше общество, сделает нас неспособными понять перепутье, на котором мы призваны жить для Христа. Подобное незнание может без труда соблазнить нас неосознанно принять идолов современной культуры. Это также может послужить причиной того, что мы пропустим все неподдельно хорошее, что предлагает современная жизнь.

В этой главе мы рассмотрим четыре признака времени, которые мы, как христиане, стремящиеся жить согласно мировоззрению, сформированному и наполненному евангелием, должны ясно различать: 1) широкое распространение постмодернизма; 2) потребительство и глобализация; 3) возрождение христианства в южном полушарии и 4) возрождение ислама. Мы начнем с того, что рассмотрим феномен постмодернизма в поисках ответа на вопрос: «В какое время живет наша культура?»

Признак 1. Постмодернизм

Что такое постмодернизм?

Современные дискуссии относительно постмодернизма начались в 50-е и 60-е годы XX столетия как отклик на модернизм в искусстве, и вскоре они расширились до критики всей современной культуры.²⁵⁷ Модернизм, как мы увидели, поддерживал эту основную историю, или метаповествование: прогресс, основанный на разуме и науке, должен привести человечество в новый свет мира и процветания. Но событие за событием в XX столетии разрушали этот наивный оптимизм, пока к середине столетия многие не увидели в самой истории прогресса источник наших проблем. Некоторые критики модернизма принимают термин «постмодерн», чтобы сказать об их абсолютном непринятии модернистского метаповествования. Жан-Франсуа Лиотар (1920–1998) создал фразу «недоверие к метаповествованиям» как один из определяющих элементов нового духа.²⁵⁸ Для Лиотара метаповествования — это те основные истории или всеохватывающие повести, которые направлены на то, чтобы всесторонне объяснить все события и перспективы; по сути, этот термин становится для Лиотара близким синонимом мировоззренческой истории. Его критика была направлена непосредственно на веру модернизма в разум,

²⁵⁷ О самом первом использовании термина «постмодерн», см. Hans Bertens, *The Idea of the Postmodern: A History* (London: Routledge, 1995), 20; Margaret Rose, *The Postmodern and the Postindustrial: A Critical Analysis* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), 3–20.

²⁵⁸ Jean-François Lyotard, *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge, Theory and History of Literature 10* (Manchester: Manchester University Press, 1984), xxiv. Лиотар Жан-Франсуа. Состояние постмодерна. М. — СПб.: Ин-т экспериментальной социологии — Алетейя, 1998.

который может объяснить всю реальность, найти универсально справедливые критерии для управления обществом, а также на слепую уверенность в способности науки и технологий освободить человечество от всякого зла.

Недоверие к метаповествованиям имеет серьезные последствия для тех, кто стремится приобрести надежные знания. Для Лиотара основные повести, основанные на науке и разуме, не являются больше правдоподобными; наоборот, он утверждал: все, что мы имеем, — это языковые игры, разные лингвистические толкования мира, они всегда локальны и не являются универсальными. Вслед за Лиотаром, американский философ Ричард Рорти (1931–2007) утверждает, что все знания «традиционные» и что понятие верного представления о реальности, которое лежит в основе западного отношения к знанию, является мифом.²⁵⁹ Для Рорти все виды знаний скорее создаются, чем находятся, и таким образом он осуждает зацикленность западных мыслителей на поисках достижения истинного знания мира через мировоззрение, которое просто устарело.

Постмодернистская философия, таким образом, поднимает различные вопросы эпистемологии: о нашей способности понять реальность, — в той мере, насколько мы ее знаем, и можем ли мы ее точно представлять. Вероятность достижения универсального, объективного знания — цель очень важная для модернизма, однако среди многих постмодернистских мыслителей она считается невозможной. Как сказал Кеннет Герген: «Здесь мы имеем дело не с сомнениями относительно утверждений об истине человеческой личности, но с полной запущенностью понятия объективной истины».²⁶⁰

Результатом этого скептицизма было сильное подозрение относительно тайных планов так называемого нейтрального модернистского знания. То, что модернисты считали объективным и свободным от оценочных суждений, расценивалось многими постмодернистами как маска сильных идеологий.²⁶¹ Постмодернисты с успехом продемонстрировали, что представленное в модернизме как

²⁵⁹ Richard Rorty, *Philosophy and the Mirror of Nature* (Oxford: Blackwell, 1980). Рорти Ричард. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997.

²⁶⁰ Kenneth J. Gergen, *The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life* (New York: Basic Books, 1991), 82.

²⁶¹ В этом отношении см. работу Michel Foucault. Обзор его мнений см. David Naugle, *Worldview: The History of a Concept* (Grand Rapids: Eerdmans, 2002), 184–86.

объективная истина фактически оказалось обременено идеологическим багажом, включая приверженность патриархату, колониализму, евроцентризму, рационализму, антисемитизму. Например, сказать, что Колумб открыл Америку — не является нейтральным историческим утверждением, а скорее евроцентрическим, поскольку (по мнению тех, кто уже жил в Северной Америке) Колумб не открывал страну, а скорее вторгся в нее. Жан-Франсуа Лиотар и Мишель Фуко (1926–1984) рассматривали сам разум как глубоко погруженный в силовые игры и потому ненадежный инструмент.²⁶²

Последствие такого скептицизма — осознание неизбежности плюрализма в знании. К самой определенности и истине многие сейчас относятся с большим подозрением. Постмодернизм всерьез поставил под сомнение уверенность модернизма в том, что мир таким, какой он на самом деле есть, можно познать через разум и науку. Для постмодернистов истинное знание мира просто недоступно. И поскольку знание мира неразрывно связано с чьим-то взглядом на мир, здесь постмодернизм тоже разрушил широкое согласие модернистов. В XIX столетии в западной культуре появляется историзм — идея о том, что не существует данного Богом порядка для истории, но скорее история — это процесс постоянного движения и изменения. Вся культура, согласно этой идее, является просто результатом взаимодействия исторических сил. Такая точка зрения распространена среди постмодернистских мыслителей. Еще одна общепринятая точка зрения говорит о том, что язык является самой главной составляющей реальности: именно язык определяет, что такое действительность. Французский философ Жак Деррида (1930–2004) был главным сторонником этой идеи.

Эти подходы, как и большинство постмодернистских теорий, почти не оставляли места для какого-либо понятия о порядке, который существовал бы отдельно от человеческого толкования. Мир — это то, что мы сами творим, и мы создали столько разных миров, что стало невозможным утверждать, какая точка зрения о реальности является правильной. Ирония, скептицизм относительно человеческого знания идут рука об руку с высоким мнением о человеческой общественности как о единице, формирующей миры, в которых мы живем. Это также

²⁶² См. Bertens, *The Idea of the Postmodern*, 134–37.

отражает мировоззрение, которое, по существу, отвергает существование Божьего порядка в творении для всей реальности.

Постмодернизм также оспаривает модернистскую идею о том, что значит быть человеком. Рационалистический независимый взгляд на человека, который так преобладал в модернизме, впоследствии был разрушен, и было предложено много альтернатив. Рорти, например, предлагает, чтобы мы думали о нравственной сущности как о «системе убеждений, желаний, эмоций — и никакого основания для атрибутов. Для целей нравственного и политического размышления и беседы, человек — это просто такая система».²⁶³ Эмоции, желания, убеждения — стороны человечества, которые были подавлены возвеличением разума в модернизме, теперь обретают новую жизнь. Человек не обладает конкретной, данной ему природой. Он есть лишь социальный конструкт. Согласно Фуко, даже само наше понимание о том, что значит быть человеком — удобное изобретение:

Как это ни странно, человек... наверное, ничем не больше третины в порядке вещей или, во всяком случае, форма, чьи очертания определены новым положением, которое он совсем недавно занял в области знаний... Человек является только недавним изобретением, личностью, не прожившей и двух столетий, новой морщиной в нашем знании... которая исчезнет, как только это знание обнаружит новую форму.²⁶⁴

В постмодернизме сомнения относительно нашей способности к познанию истины, восприятию реальности и даже уверенности в том, что означает быть человеком, подрывают основы модернизма. Мировоззрение эпохи Просвещения, кажется, находится на грани окончательного краха.

Христианский ответ на постмодернизм

Как должны реагировать на постмодернизм христиане? Начиная с искусства и философии, постмодернизм распространился и на каждую вторую учебную дисциплину, и на массовую культуру. Каждый

²⁶³ Richard Rorty, "Postmodernist Bourgeois Liberalism," *Journal of Philosophy* 80, no. 10 (1983): 585–86.

²⁶⁴ Michel Foucault, *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences* (London: Tavistock, 1970), xxiii.

раз при изучении литературы, психологии, искусства, богословия, экономики, права, истории, естествознания, медицины, драматургии или какого-либо другого предмета обнаруживается, что сейчас есть большое количество литературы по постмодернизму и конкретно по данному предмету. Например, если вы изучаете литературу, вы обнаружите, что предлагаются курсы по литературному анализу, уделяющие большое внимание постмодернистской философии (часто малопонятной). Вы также, вероятно, найдете курс по постмодернистскому роману. В наши дни существует также целый ряд литературы, имеющей дело с постмодернизмом и библейскими науками. Через массовую культуру влияние распространяется на киноиндустрию, архитектуру (коллаж стилей постмодернистской архитектуры), урбанистический дизайн, живопись, музыку, дизайн ландшафта и сада и т. д. Постмодернизм завладел воображением многих людей западного общества.

Христианский подход к постмодернизму не должен быть наивным. Есть хорошие и плохие стороны постмодернизма. Безусловно, постмодернизм прошел длинный путь до раскрытия модернизма как определенного мировоззрения с его собственными идеологическими обязательствами: намного тяжелее предположить в наши дни, что модернистская образованность и деятельность объективны и нейтральны. Постмодернизм помог показать, что каждый человек действительно имеет мировоззрение, и с христианской точки зрения этому нужно радоваться. Но сильная оппозиция постмодернизма утверждению, что любое мировоззрение истинно, может привести нас к опасному релятивизму. Дэвид Харвей говорит, что модернизм, отвергая традицию и религиозную власть, придерживается веры в то, что только разум приведет нас к истине.²⁶⁵ Постмодернисты не зря отказались от иллюзии, что человеческий разум приведет нас к истине, но они не возвратили традицию и, конечно, не возродили религиозную власть. Вместо этого постмодернисты, сознавая ограниченность человека, с радостным забвением бросаются в нигилизм. Понятно, что это несовместимо с христианским мировоззрением — в действительности это очень опасно.

И еще, существует большая опасность считать, что мир — такой, каким мы его сделали. Христианский философ Алвин Платинга

²⁶⁵ David Harvey, *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change* (Oxford: Blackwell, 1990).

проследивает эту сторону постмодернизма до идеализма Канта или (как называет Платинга) «креативного антиреализма»:

Согласно этому взгляду, именно поведение человека, а в частности, человеческая мысль и язык, каким-то образом ответственны за фундаментальную структуру мира и за основные виды бытия в нем. Однако, с теистической точки зрения, универсальный креативный антиреализм – это, в лучшем случае, забавная бравада. Потому что Бог, конечно, не обязан нам и нашему способу мышления ни своим существованием, ни своими владениями, истина как раз в обратном. И в отношении сотворенной вселенной, – если она и обязана своим существованием и свойствами одной Личности, то эта Личность определенно не человеческое существо.²⁶⁶

Постмодернизм сделал один позитивный вклад в западную культуру – вернул тему о религии в серьезные академические дискуссии. Несколько постмодернистских мыслителей в своих работах подняли тему религии. Сейчас в программах академических конференций можно найти такие темы, как прощение и молитва, что было немислимым еще двадцать лет назад. Нужно приветствовать такие события, но мы должны также отметить, что тип религии, обсуждаемый этими мыслителями, далек от того, что напоминало бы ортодоксальную христианскую веру. Постмодернисты, может, и отказались от веры в разум, но это не значит, что они утратили идолопоклонническое желание человеческой независимости. Они и не возобновили веру в традицию и живого Бога – они от этого слишком далеки.

Пребывая в противлении мировоззрениям или великим историям, постмодернисты отвергают возможность открытия истины о мире. Хотя многие авторитетно заявляют, что у них вообще нет мировоззрения, вместо этого они действуют по такому коллажу элементов, который они считают полезным. Но не так-то легко не иметь мировоззрения вообще. Есть некоторая ирония в том, что само отвержение постмодернистами мировоззрений маскирует их собственную преданность весьма конкретному мировоззрению. Человек, который говорит: «Мы не можем знать истины», тем не менее хочет, чтобы это заявление было принято как истинное, и допускает, что ясно видит эту истину!²⁶⁷ Хотя

²⁶⁶ Alvin Plantinga, "Advice to Christian Philosophers," *Faith and Philosophy* 1, no. 3 (1984): 269.

²⁶⁷ См. рассказ Лесли Ньюбигина о слонах и слепых людях в книге: *The Gospel in a Pluralist Society* (Grand Rapids: Eerdmans, 1989), 9–10.

постмодернисты носят маску смирения, их скрытая требовательность — они являются исключением из собственного правила — от смирения очень далека, ведь постмодернизм абсолютно уверен, что предположение: «Истину нельзя найти» — само по себе верное. Ирония состоит в том, что хотя постмодернизм учит презирать мировоззрения, сам же утверждает то, что учит презирать!

Кроме того, очень важно отметить, что с христианской точки зрения корни модернизма, хотя и оспариваемые многими постмодернистскими философами, никогда не были полностью ими оставлены. Идеал человеческой независимости, например, имеет тенденцию оставаться таким же твердо укоренившимся, как всегда. Как пронизательно замечает философ науки Мэри Хессе: «Либеральный консенсус настолько успешно утвердился как идеология западной интеллектуальной культуры, что стал почти невидимой исходной предпосылкой каждого постмодернистского обсуждения».²⁶⁸ Постмодернизм — это, главным образом, западный и светский феномен, даже на Западе он остается мировоззрением меньшинства, соревнующимся за внимание со многими альтернативными мировоззрениями. Возьмите, например, область литературы. Конференции по этому предмету редко чем отличаются от конференций по постмодернистской философии, где предлагается вскрытие противоречий и радикальный феминизм, и множество альтернативных способов чтения и написания романов. Но многие ученые и писатели восстали против постмодернистского подхода к литературе. То же и в других дисциплинах: сейчас есть достаточное количество примеров постмодернистской архитектуры, но далеко не все архитекторы последовали этому курсу. Другие стили архитектуры существовали рядом, конкурируя с постмодерном, а нередко — в ответ на постмодерн.

Одна из причин, почему постмодернизм остается мировоззрением меньшинства, заключается в том, что его крайние взгляды несостоятельны или нежизнеспособны. Жизнь зависит от наличия порядка, заложенного глубоко в творении; ни наука, ни ежедневная жизнь не могут долго функционировать без этой предпосылки. Например, философ-постмодернист Жак Деррида писал довольно необычные книги: в одной, например, текст расположен в нескольких колонках на разных языках. В другой книге отрывки из работ Дерриды и других

²⁶⁸ Mary Hesse, "How to Be Postmodern Without Being a Feminist," *The Monist* 77, no. 4 (1994): 457.

писателей помещены рядом, побуждая читателя установить их взаимосвязь — это просто необычный стиль написания книг. Те же, кто пишут о Дерриде, пишут ясно и оформляют свою работу так, как обычно оформляются книги: с вступлением, главами с четким логическим развитием и заключением.

Таким образом, на Западе XXI века многие мировоззрения соревнуются за господство. Как замечает Дэвид Лион, постмодернизм ценен для христиан тем, что он предупреждает их о ключевых вопросах нашего времени, в конце исторического периода, где господствовало мировоззрение Просвещения: «Постмодернизм предлагает возможность пересмотреть модернизм, истолковать признаки времен как индикаторы того, что сам модернизм нестабилен, непредсказуем, и отказаться от предрешенного будущего, которое он однажды пообещал».²⁶⁹ Однако постмодернизм также бесполезен для христиан — хотя он и отказался от многих ключевых идей модернизма, он никогда не оставлял шатких светских оснований, на которых модернизм был построен. По этой причине слабости самого постмодернизма — весьма значительны.

Признак 2: Потребительство и глобализация

Потребительство

Наша культура находится в поиске значения. Фрагментация, которую постмодернизм взвалил на нашу культуру, и принижение модернизма все больше и больше оставляют западную культуру без здорового стержня, из которого можно было бы черпать значение и правила. Постмодернизм сократил великую историю современности до свалки разбитых идей, всего лишь отдельных фрагментов. Но появление постмодернизма еще не говорит о том, что модернизм действительно отступил. «Мы должны отличать, — говорит Эдвард Кейси, — все более убедительную критику модерна на уровне теории... от того факта, что на практическом уровне мы остаемся полностью связанными с модернизмом, главным образом из-за господства технологии, падчерицы модернизма, в нашей повседневной жизни».²⁷⁰

²⁶⁹ David Lyon, *Postmodernity* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994), 70.

²⁷⁰ Edward S. Casey, *Getting Back into Place: Toward a Renewed Understanding of the Place-World*, *Studies in Continental Thought* (Bloomington: Indiana University Press, 1983), 389–90.

Вакуум, образовавшийся в самом сердце нашей культуры, должен быть обязательно заполнен, и есть пути, по которым некоторые аспекты модернизма, далекие от исчезновения, остались или возвратились в сердце культуры. Питер Хеслам указывает, что одним из таких стойких следов модернизма в центре западной культуры есть прагматичный, потребительский взгляд на человеческую жизнь. Он отмечает, что «преобладающие идеологии капитализма и потребительства... выдвигаются как единственные действенные системы, и именно “то, что действует”... предоставляет особый статус в постмодернистском мировоззрении».²⁷¹ Ричард Бокэм комментирует: «Недоверие к метаповествованиям в современном западном обществе вполне понятно, но оно может отвлекать от очень сильного, самого современного великого повествования потребительского индивидуализма и глобализации свободного рынка, который... обогащает богатых, оставляя бедных бедными, и разрушает окружающую среду. Таким образом, он продолжает оказывать своего рода притеснение, которое современные метаповествования прогресса всегда оправдывали».²⁷²

Более того, Сюзан Уайт утверждает, что потребление стало одним из главных претендентов на роль новой, определяющей истории западной культуры, и она раскрывает ее основные принципы несколькими искусными штрихами:

*Если есть какое-либо всеохватывающее метаповествование, которое претендует на то, чтобы объяснить действительность конца XX столетия, то это наверняка повествование об экономике свободного рынка. В начале этого повествования — независимая личность. В конце — большой дом, большой автомобиль и дорогая одежда. Посредине — жадная борьба за успех, победы и поражения в мире, где ничего даром не дается. Большинство из нас сделали эту историю вполне своей, и мы едва осознаем ее силу».*²⁷³

Общество потребления — это общество, где основные ценности все больше извлекают из потребления, а не наоборот. В принципе, все становится товаром, который можно продать и купить. Как заметил

²⁷¹ Peter Heslam, *Globalization: Unravelling the New Capitalism*, Grove Ethics Series E125 (Cambridge: Grove, 2002), 7–8.

²⁷² Richard Bauckham, “Reading Scripture as a Coherent Story,” in *The Art of Reading Scripture*, ed. Ellen F. David and Richard B. Hays (Grand Rapids: Eerdmans, 2003), 46.

²⁷³ Susan J. White, “A New Story to Live By?” *Transmission* (Spring 1998): 3–4.

Дон Слейтер: «Если нет принципа, ограничивающего, кто и что может потреблять, тогда нет и принципиального ограничения в том, что именно можно потреблять: все общественные отношения, мероприятия и объекты можно, в принципе, обменять, как предметы потребления. Это одна из самых глубоких сторон секуляризации, установленной современным миром».²⁷⁴ Сексуальность может служить примером того, что имеет ввиду Слейтер. С христианской точки зрения, сексуальность — это особый дар Божий, данный для наслаждения в браке. Хотя порнография всегда превращала секс в продукт потребления, современная реклама и Интернет беспрецедентно усилили этот процесс так, что огромное разнообразие порнографии из любой страны моментально доступно для потребления. Неудивительно, что пагубное пристрастие к порнографии растет в геометрической прогрессии.

Кроме того, общество потребления — это такое общество, где свобода приравнивается к личному выбору и личной жизни. Слейтер отмечает, что свобода выбора любого товара в любой сфере жизни изменила взгляд Просвещения на разум как на источник, который поощрялся для использования против власти традиции или религии. Показательным примером того, как потребительская свобода грозит проглотить другие свободы демократии, может послужить история «войны» супермаркета «Уолмарт» с местными властями аризонского города Флагстафф,²⁷⁵ издавшими закон, запрещающий строительство торговых площадей, превышающих 125 000 кв. футов.²⁷⁶ Уолмарт, имевший более грандиозные планы, поместил рекламу в газете «Аризона дейли сан», в которой этот закон приравнивался к сжиганию книг нацистами. Энтони Бьянко пишет, что «сравнением местного закона с подавлением свободы слова и возвышением права на дешевую покупку над свободами, установленными биллем о правах человека, компания «Уолмарт» плюнула в лицо не только городским властям, но и всем американцам».²⁷⁷

И, наконец, общество потребления — это общество, где потребности неограничены и ненасытны. Это звучит иронично, потому что, хотя по-

²⁷⁴ Don Slater, *Consumer Culture and Modernity* (Oxford: Polity, 1997), 27

²⁷⁵ См. Anthony Bianco, *The Bully of Bentonville: How the High Cost of Wal-Mart's Everyday Low Prices Is Hurting America* (New York: Doubleday, 2007), 166–69.

²⁷⁶ Ок. 11,6 тыс. кв. м. — Прим. ред.

²⁷⁷ Bianco, *The Bully of Bentonville*, 169.

требительство обещает небывалое удовлетворение наших потребностей, его дальнейшее существование зависит от наших потребностей, которые никогда полностью и не были удовлетворены: «Поэтому рыночное общество постоянно преследуемо вероятностью, что потребности могут быть либо удовлетворены, либо на это не будет средств».²⁷⁸

Как уже часто говорилось, результатом господства потребительства является то, что супермаркет стал кафедральным собором нашего времени. В средние века кафедральный собор был центром города, как бы символическим напоминанием о том, что жизнь города должна быть направлена к Богу, и наоборот, современные города формируются вокруг торговых центров. Как отмечает Джеймс Роуз (архитектор, который спроектировал больше шестидесяти торговых центров): «Именно в торговом центре все люди собираются вместе — богатые и бедные, старые и молодые, черные и белые. Это демократичное, объединяющее, универсальное место, которое определяет дух и индивидуальность города».²⁷⁹ Однако проблема с торговым центром, как говорит Ион Пол, заключается в том, что

он побуждает нас забыть любые идеалы совместной содержательной жизни помимо той, которую создает рынок. Торговый центр не создает никакой устойчивой общности, не зиждется на традиции и не поддерживает никаких ценностей кроме тех, что установили корпорации, для которых потребители едва ли не обезличенные единицы или мишени. Мы «объединены» только местом в иерархии, и нашей возможностью тратить. И не случайно, что эта иерархия, где богатые получают больше, а бедным указывают на дверь — также преобладает в американской политике».²⁸⁰

Экономическая глобализация

С 1950 года развитие потребительства как мировоззрения тесно связано с глобализацией, которая «охватывает многое: международный поток идей и знаний, обмен культурами, всемирное гражданское

²⁷⁸ Slater, *Consumer Culture and Modernity*, 29.

²⁷⁹ Ион Пол цитировал Роуза в книге: *Shopping Malls and Other Sacred Spaces: Putting God in Place* (Grand Rapids: Brazos, 2003), 70.

²⁸⁰ Pahl, *Shopping Malls*, 79.

общество и всемирное движение по проблемам окружающей среды ». ²⁸¹ И в центре глобализации находится всемирный рынок, существование которого стало возможным благодаря революции в коммуникации. Через коммуникационную технологию большие корпорации сегодня распространили свое влияние по всему миру. В процессе развития эти корпорации все больше отходят от многонациональной модели (базирующейся в одной стране, но имеющей филиалы в других странах) к межнациональной, которая не имеет никаких конкретных связей с какой-либо страной, но может перемещать свои офисы и заводы по всему миру для получения максимальной прибыли. Огромные суммы глобального капитала могут быть введены в страну (электронным путем) очень быстро, но также быстро могут быть и отозваны, в связи с чем есть опасность причинения огромного ущерба, что особенно касается бедных стран.

В центре глобализации находится рыночная экономика, которая делает процесс купли-продажи сильным соперником движущей силы западной культуры. Следовательно, если мы хотим понять, какое время сейчас переживает наше общество, нужно внимательно присмотреться к тому, какой вид экономики воплощен в потребительстве. И пристальный взгляд покажет, что потребительство — это не что иное, как постмодерн! ²⁸²

Христианский экономист Боб Гудзвард указывает, что современное мировоззрение Просвещения возникло во время большой нестабильности в Европе. Католики и протестанты воевали по всей Европе, поэтому религия, казалось, не могла предложить стабильной основы для общественной жизни. Таким образом, модернизм возник как реакция на страх в ответ на необходимость в безопасности: «Модернизм, можно сказать, переустановил человеческое общество. И он сделал так, во-первых, в сфере логики и в достоверности математических и механических законов. Но затем... он хотел преодолеть эту неуверенность рациональным и систематическим усилием организовать, реорганизовать и воссоздать человеческое общество». ²⁸³ И эта организационная

²⁸¹ Joseph E. Stiglitz, *Making Globalization Work* (New York: Norton, 2006), 4.

²⁸² О связи между глобализацией и современностью см. Bob Goudzwaard, Mark Vander Vennen, and David Van Heemst, *Hope in Troubled Times: A New Vision for Confronting Global Crises* (Grand Rapids: Baker Academic, 2007), 143–46.

²⁸³ Bob Goudzwaard, “Globalization, Economics, and the Modern World-and-Life View” (неопубликованная работа).

стремительность включала рыночный механизм, который продолжает двигать глобализацию.²⁸⁴

Классическая экономическая теория, которой уже двести лет, заложила фундамент экономики. Эту теорию с того времени приняла большая часть западного общества, и два ее самых важных принципа продолжают пользоваться большим влиянием и сегодня. Первый — утилитаризм, сделавший заключение, что человеческому счастью больше всего послужит то, если определенное производство выпустит столько продукции, сколько возможно. С этой точки зрения, источник человеческого счастья находится непосредственно в наличии суммы товаров и услуг, произведенных и проданных на рынке. Второй принцип классической экономической мысли — вера в неотъемлемое право свободного рынка, уверенность, что мы должны следовать за рынком туда, куда он ведет, потому что он неизбежно направит нас к лучшему будущему. «В самом деле, свободная работа рынка лежит близко к центру самоидентификации западного общества: на Западе правительство не вмешивается в деятельность рынка, потому что это означало бы шаг в сторону от “свободного общества” к “тоталитарному обществу”».²⁸⁵

Современные неоклассические экономисты позаботились о том, чтобы не быть уличенными в выработке рекомендации какого-либо конкретного направления для общества. Таким образом, «попытки современных экономистов только предложить объяснения подобны тому, как естественные науки пытаются только объяснить реальность в поисках универсально справедливых законов и неоспоримых фактов, которые можно объективно и непредубежденно объединить». Результат — человеческие потребности, мотивы и желания преднамеренно исключены из экономических расчетов, потому что «экономист должен ограничиваться строгим анализом процессов рыночного механизма».²⁸⁶ Результат — весьма искаженное мировоззрение, в котором 1) все нужды приняты только как данность; 2) считается, что человеческие нужды не ограничены по природе; 3) природа и окружение видится как данность и исключается из сферы изучения и 4) идет приравнивание чело-

²⁸⁴ В дальнейшем мы глубоко обязаны Bob Goudzwaard and Harry M. de Lange, *Beyond Poverty and Affluence: Toward a Canadian Economy of Care* (Toronto: University of Toronto Press, 1995).

²⁸⁵ Goudzwaard and de Lange, *Beyond Poverty and Affluence*, 48.

²⁸⁶ Там же, 51, 53.

веческого труда к одному из нескольких производственных факторов. Критика Гудзварда и Ланге этой господствующей теории поразительна:

Так как эта теория применяется в условиях рынка, она совсем не берет во внимание большие осколки нищеты, которые рынок не может учесть, и так как ее подход к нехватке определяется в ценовом выражении, невозможно дать экономическую оценку экологической проблеме; и по причине того, что она рассматривает труд исключительно как оплачиваемый производственный фактор, игнорируется проблема количества и качества работы. Неоклассическая экономика была разработана не для того, чтобы помочь в решении этих проблем. Она хочет понять и поддержать только то, что относится к производству, потреблению, доходу и деньгам в рыночной экономике...

Наша нынешняя экономика — это экономика «реабилитации», мы в ней занимаемся наиболее возможным потреблением и производством и только потом пытаемся облегчить возрастающие потребности по печению, зачастую невероятно дорогими формами компенсации.²⁸⁷

Это не намек на то, что глобализация — непоправимое зло или что капитализм — это плохо. Глобализация породила как плохое, так и хорошее. Глобализация уже укоренилась во взгляде человечества, предпочитающего рациональность, независимость и индивидуализм. Хотя постмодернизм ставил под сомнение эти убеждения, он не дал им реальной альтернативы. Даже вполне секуляризованный, независимый человек хоть и отчаивается в познании истины и мира, все же может без труда тратить деньги! Таким образом, постмодернизм, что весьма иронично, создал место для господства прагматизма: для того, что действует, а не для того, что разумно. И для большинства западных людей глобализация действует: она увеличила сферы, доступные потреблению, и сделала Запад в целом богаче. В результате потребительство, стимулируемое приверженностью глобализации, стало господствующим мировоззрением наших дней.

Однако были признаки, что не все так хорошо с глобализацией. Первый значительный протест был заявлен 30 ноября 1990 года, когда Всемирная торговая организация (ВТО) собралась в Сиэтле и увидела, как их торговые переговоры (которые в любом случае прошли неблагоприятно) были омрачены огромными уличными демонстрация-

²⁸⁷ Там же, 61, 65.

ми протеста. Мэр Сиэтла объявил чрезвычайное положение и ввел комендантский час, пока губернатор штата Вашингтон мобилизовал национальную гвардию. Последующие встречи ВТО, хотя и были тщательно защищены от протестующих, прошли не намного лучше: развивающийся мир пробудился и был готов жаловаться.

Хотя говорят, что глобализация — это свободная торговля, Джозеф Стиглиц утверждает, что «свободная торговля не получилась, потому что мы ее и не пробовали: торговые соглашения прошлого не были ни свободными, ни справедливыми».²⁸⁸ Сельское хозяйство предоставляет самый яркий пример этого. Большая часть экономики развивающегося мира — сельскохозяйственная, а не технологическая, и западные народы постоянно отказывались прекратить защиту отечественного сельского хозяйства (с помощью субсидий), тем самым эффективно предотвращая справедливое соперничество между своими сельскохозяйственными производителями и производителями развивающихся стран. В Европе каждая корова получает среднюю субсидию в два доллара в день, — печально осознавать, но больше половины населения в развивающемся мире живут на меньшую сумму. Подобные субсидии дали бы возможность африканским фермерам конкурировать на мировых рынках: «Соединенные Штаты и Европа усовершенствовали искусство спора за свободную торговлю, одновременно заключая торговые соглашения, которые защищают их от импорта из развивающихся стран».²⁸⁹

Стиглиц определяет шесть сфер, где глобализация отчаянно нуждается в реформе: 1) необходимость борьбы с нищетой; 2) необходимость зарубежной помощи и списание долгов; 3) необходимость сделать торговлю справедливой в противоположность свободной; 4) необходимость признать реальные границы возможностей развивающихся стран открыть свои рынки для свободной торговли; 5) необходимость борьбы с кризисом окружающей среды, включая угрозу глобального потепления; 6) необходимость в здоровой системе всемирного правления.²⁹⁰

²⁸⁸ Stiglitz, *Making Globalization Work*, 62.

²⁸⁹ Stiglitz, *Making Globalization Work*, 78, 79.

²⁹⁰ Стиглиц (*Making Globalization Work*, 11) отмечает, что, кроме Китая, за последние два десятилетия бедность возросла в развивающемся мире. Около 40 процентов 6.5 миллиардного населения земли живет в бедности (до 36 процентов с 1981 г.), и одна шестая часть (877 миллионов) в крайней нищете (на 3 процента больше, чем в 1981 г.). Африка находится в наихудшем положении, где численность людей, живущих в крайней нищете, удвоилась с 164 до 316 миллионов.

К перечню Стигица мы бы добавили седьмой пункт — необходимость ограничить распространение западной культуры, которая так часто конфликтует с культурными ценностями развивающегося мира.

Чтобы воплотить сегодня христианское мировоззрение, мы должны обосновать содержательную критику глобализации и дать достойные предложения для ее преобразования. Рынку придется поступиться некоторой независимостью, чтобы войти в контекст более человеческой (и гуманной) истории, а для нас это, конечно же, библейская история. Гудзвард, Вандер Веннен и Ван Химст начали работу по предложению библейски здравых реформ, которые они пропагандировали в работе «Надежда в тревожное время»:

Почему бы не установить порог в нашем уровне доходов и потребления и сориентироваться на уровень разумного количества, чтобы процесс производства мог освободиться от крайнего давления, вернуться к удовлетворению потребностей бедных и инвестированию в реальное сохранение культуры и окружающей среды? Конечно, наши деловые круги, профсоюзы, политические партии и другие организации, и даже мы лично, должны срочно отвернуться от бесконечного материального потребления, и вместо этого двигаться к настоящей жизнеспособной экономике.²⁹¹

Признак 3: Ренессанс христианства

Так как постмодернизм разделяет с модернизмом многие светские гуманистические предпосылки, он также разделяет и многие его слабые стороны. Религия, представленная как личное дело в модернистском мировоззрении, редко (со времен Просвещения) воспринималась всерьез как сила культуры.²⁹² Хотя постмодернизм обратился к религии как к предмету обсуждения, он крепко держит ее в рамках, предписанных светскими предпосылками модернизма.²⁹³ Но религия действительно все больше является основной силой культуры в наше время: «Мы сейчас переживаем один из преобразующих моментов в истории ре-

²⁹¹ Goudzwaard, Vander Vennen, and Van Heemst, *Hope in Troubled Times*, 191.

²⁹² См., например, Stephen L. Carter, *The Culture of Disbelief: How American Law and Politics Trivialize Religious Devotion* (New York: Anchor Books, 1993).

²⁹³ См., например, Gianni Vattimo, *Belief*, trans. Luca D'Isanto and David Webb (Stanford, CA: Stanford University Press, 1999); первоначально опубликованный как *Credere di Credere* (Milan: Garzanti, 1996).

лигии во всем мире».²⁹⁴ Одним из примеров такого преобразования является ренессанс христианства, особенно в южном полушарии, где с середины XX столетия количество верных христиан феноменально возросло. Во многих быстроразвивающихся странах мира, таких как Филиппины, Нигерия, Мексика, Бразилия и Китай, христиане составляют значительную часть населения, в некоторых случаях даже большинство. Отталкиваясь от нынешней статистики, к 2050 году «будет около 2,6 миллиардов христиан, из которых 633 миллиона будут жить в Африке, 640 миллионов в Латинской Америке и 460 миллионов в Азии. Европа с 555 миллионами окажется на третьем месте».²⁹⁵

Характер веры, которая возрастает в развивающемся мире, заслуживает внимания, потому что это преимущественно ортодоксальное, консервативное христианство с благоговейным отношением к Библии и сильной социальной сознательностью. Филипп Дженкинс подробно рассмотрел это в работе «Новые лица христианства: вера в Библию на мировом Юге». В эпиграфе к главе «Сила в Книге» Дженкинс цитирует Мартина Лютера: «Библия жива: у нее есть руки — и она держит меня, у нее есть ноги — и она бежит за мной». Христиане южного полушария рассматривают Писание как живое и истинное Слово Божье: «Какими бы ни были различия по определенным вопросам, новые церкви воспринимают Библию как надежный и абсолютный источник авторитета; и такое почтительное отношение распространяется на весь библейский текст, на оба Завета».²⁹⁶ И такая высокая оценка авторитета Библии в развивающихся странах не была совмещена с политическим консерватизмом, желающим сохранить статус-кво. Фактически, именно церковные руководители борются за реформу и права человека, даже ценою своей безопасности.

Церквям северного полушария оказалось тяжело ориентироваться в постмодернизме. Как можно жить и провозглашать евангелие в обществе, где все разрешено, где толерантность — главная добродетель и где право человека выбирать образ жизни должен соблюдаться более всего? Не удивительно, что самый спорный вопрос в ведущих церквях северного полушария в наши дни — какую позицию занять

²⁹⁴ Philip Jenkins, *The Next Christendom: The Coming of Global Christianity* (Oxford: Oxford University Press, 2002), 1.

²⁹⁵ Jenkins, *The Next Christendom*, 3.

²⁹⁶ Philip Jenkins, *The New Faces of Christianity: Believing the Bible in the Global South* (Oxford: Oxford University Press, 2006), 41.

в отношении гомосексуализма. В светском обществе свободный выбор крайне важен, и любая критика гомосексуализма рассматривается как гомофобия и отрицание равенства другого. Христианство южного полушария должно помочь нам определить перспективу в этом вопросе и укрепить приверженность библейской истории, напоминая нам, что наша первая обязанность — перед Богом и его откровением, а обязанность перед ближним — вторична. Мы не можем позволить, чтобы требования наших ближних о свободном выборе — в сексуальной ориентации, в абортах, порнографии, потребительстве или использовании мировых ресурсов — определяли планы христиан сегодня. Вне всяких рассуждений — мы призваны быть верными Богу.

Расширяющееся ортодоксальное христианство развивающегося мира может бросить вызов часто идущему на компромисс христианству западных народов, особенно когда вера отнесена к сфере строго частных и личных дел. «Для многих христиан, живущих не на Западе, не очевидно, что религия должна быть индивидуальным или частным делом, что церковь должна быть отделена от государства, что мирские ценности преобладают в некоторых областях жизни или что Писание должно оцениваться согласно канонам исторической науки».²⁹⁷ Поэтому христиане южного полушария призывают всех остальных поднять евангелие до того уровня, на котором оно должно быть — оно должно стать мировоззрением, охватывающим всю жизнь. Многие христиане северного полушария смирились с объявлением религии частным делом, и сейчас трудно представить, что входит в понятие истинного христианского мировоззрения. Что значит следовать за Христом в области искусства, образования, политики, брака и сексуальности, экономики, бизнеса? Хотя христианам южного полушария все еще предстоит создать всестороннее христианское мировоззрение в теории и на практике, верно то, что они, как пророки, призывают нас восстановить полноту христианской веры и присоединиться к ним в возвещении полного евангелия всему миру.²⁹⁸ Дженкинс замечает, что самая большая проблема, которую Всемирная церковь может принести нашему миру —

²⁹⁷ Jenkins, *The Next Christendom*, 181–82.

²⁹⁸ Здесь я ссылаюсь на определение «миссии» Манильского манифеста. Манильский манифест — это разработка евангельского Лозаннского Соглашения (1974 г.). Оно было подготовлено участниками Лозанна II, Второго Международного конгресса по Всемирному Евангелизму, проходившего в Маниле в 1989 г.

это, возможно, принять навязанную Просвещением предпосылку, что религия должна быть обособлена в отдельную сферу жизни, отличающуюся от ежедневной реальности. В западном понимании... духовная жизнь – это, в основном, частная внутренняя деятельность, личное дело каждого. Общее мнение американцев гласит, что церковь и государство, священное и светское – абсолютно отдельные явления, и они должны находиться отдельно, как масло и вода. Однако в большинстве исторических периодов такое разграничение неприемлемо.²⁹⁹

Такое разграничение неприемлемо также в Африке, Латинской Америке и Азии. Итак, какое время сейчас переживает наше общество? Церковь Христа в развивающемся мире говорит, что сейчас – наше время для восстановления духа господства Христа над всей нашей жизнью, чтобы можно было с уверенностью сказать, что Иисус – «тайна небес и земли, вселенной, сотворенной Богом».³⁰⁰ Они требуют, чтобы мы восстановили образ Христа, как ключ ко всему творению, и чтобы мы непрестанно указывали на этот ключ.

Признак 4: Возрождение ислама

В работе «Столкновение цивилизаций и изменение мирового строя» Семюэл Хантингтон оповещает нас о недавно начавшемся поразительном росте в исламе, произошедшем параллельно с ростом христианства в южном полушарии.³⁰¹ Число последователей ислама выросло с 12,4 процента от населения мира в 1900 году до 19,6 процента в 1993 году. Это возрождение ислама, которое началось в 1970-х годах, сейчас непосредственно влияет на одну пятую часть человечества и имеет значительные планы в отношении остального мира. Например, Дженкинс отмечает, что из двадцати пяти самых больших народов мира к 2050 году двадцать будут преимущественно или полностью христианскими или мусульманскими.³⁰² Девять из этих стран будут полностью

²⁹⁹ Jenkins, *The New Faces of Christianity*, 141, 142.

³⁰⁰ Karl Barth, *Church Dogmatics*, vol. 3, *The Doctrine of Creation, Part 1* (Edinburgh: T&T Clark, 1958), 21. См. «Творение и завет» в книге: Барт Карл. Церковная догматика. Т.1. М.: ББИ, 2007.

³⁰¹ Samuel P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon & Schuster, 1996).

³⁰² Jenkins, *The Next Christendom*, 166. Важно отметить, что Дженкинс пишет о населении, а не государствах и обществах в целом.

или преимущественно мусульманскими, восемь других, полностью или большей частью, состоять из христиан, и остальные три будут резко разделены между двумя религиями. Не меньше десяти из двадцати пяти наибольших мировых государств к середине XXI века будут местом серьезного конфликта между последователями ислама и христианства.

С политической точки зрения, основная характеристика возрождающегося ислама — поворот к исламскому закону (шариату) вместо западных законов, что должно стать ключом к полноценной жизни и здоровому правительству. Возрождающийся ислам глубоко критичен по отношению к Западу, и поэтому ищет решения проблем современности в своих собственных традициях. В возрождающемся исламе нет священной или светской дихотомии, все аспекты жизни воспринимаются серьезно, как дело веры. Куршид Ахмад отмечает: «Ислам — это не религия в общем, искаженном понимании слова, ограничивающая свои пределы частной жизнью человека... Ислам обеспечивает руководство всеми сторонами жизни — индивидуальной и общественной, материальной и моральной, экономической и политической, юридической и культурной, национальной и интернациональной. Коран призывает человека войти в общество ислама безоговорочно и следовать Божьему водительству во всех сферах жизни».³⁰³

Хотя возрождающийся ислам в значительной степени представляет большинство, в нем также есть радикальный, фундаменталистский, или пуританский, элемент. Радикальный ислам подпитывает террористические группы, многие из которых выразили «общую цель восстановления объединенного всемирного мусульманского политического общества, «уммы», управляемого централизованной исламистской властью халифата, которая руководствуется реакционным вариантом исламистского закона — шариата и организована, чтобы вести войну — джихад — во всем мире».³⁰⁴

Возрождающийся ислам представляет две основные проблемы для христианства. Первая, он призывает христиан избавиться раз и навсегда от дуализма священного и светского. Ислам отвергает дуализм, который так глубоко проник в мышление христиан, например, в богословии и образовании. Поэтому первая глава работы «Философия и наука

³⁰³ Khurshid Ahmad, *Islam: Its Meaning and Message* (London: Islamic Foundation, 1975), 37

³⁰⁴ Paul Marshall, preface to *Radical Islam's Rules: The Worldwide Spread of Extreme Shari'a Law*, ed. Paul Marshall (Lanham, MD: Rowan & Littlefield, 2001), 1.

в исламском мире» Чадри Абдула Кадира утверждает: «Исламская теория знания... основана на духовной концепции человека и мира, в котором он живет, в то время как западная теория — светская, лишенная священного смысла. И именно по этой причине, согласно мнению мусульманских мыслителей, западная теория знания представляет собой одну из самых больших проблем человечества».³⁰⁵ Исламская вера в полновластие Аллаха «значит, что ощущение священного, которое предоставляет основную почву для знания, должно сопровождать и толковать просветительный процесс на каждом этапе. Аллах не только стоит у истоков знания, он также стоит и в конце, сопутствуя и вливая благодать в весь процесс обучения».³⁰⁶

Таким образом, ислам намного успешнее, чем христианство, противостоит секуляризму и модернизму. В реакции ислама на постмодернизм слышно эхо озабоченности, высказанной думающими христианами, как показывает это отрывок из работы Акбара Ахмеда: «Тест для мусульман — как сохранить сущность послания Корана... без того, чтобы свести его до древнего и пустого речитатива; как участвовать в глобальной цивилизации без утраты своей идентичности. Это апокалипсический тест, самый суровый экзамен. Мусульмане стоят на перепутье».³⁰⁷

В некотором смысле ислам и христианство стоят на одном перепутье, и им следует принять общий вызов: как сохранить полную природу своей веры и в то же время сохранить связь с ультрамодернизмом Запада. Однако ислам имеет лучшую репутацию в удерживании полноты своей веры. Зиауддин Сардар, мусульманский журналист в Лондоне, называет причину, по которой мусульмане не доверяют христианству: оно «стало служанкой секуляризма... христианство, кажется, всегда выбирает то, что хочет секуляризм».³⁰⁸ Сардар признает не только религиозные черты секуляризма, но также и то, что библейское христианство не дуалистично и должно быть «антигезисом секуляризму».³⁰⁹

³⁰⁵ Chaudhry Abdul Qadir, *Philosophy and Science in the Islamic World* (London: Croom Helm, 1988), 1.

³⁰⁶ Qadir, *Philosophy and Science*, 5–6.

³⁰⁷ Akbar S. Ahmed, *Postmodernism and Islam: Predicament and Promise* (London: Routledge, 1992), 264.

³⁰⁸ Ziauddin Sardar, "The Ethical Connection: Christian-Muslim Relations in the Postmodern Age," *Islam and Christian-Muslim Relations* 2, no. 1 (June 1991): 59.

³⁰⁹ Sardar, "Ethical Connection," 59, 68.

Сардар считает этот дуализм свидетельством исторического компромисса христианства с платонизмом и рационализмом, результатом которого стало то, что «распространение христианства в Третьем мире идет рука об руку с введением либерального секуляризма и западного капитализма в развивающихся обществах... Таким образом, христианство служит интересам секуляризма в Третьем мире: несмотря на громкие декларации о любви и появлении аутентичности, миссионерская деятельность часто распространяет антигуманную форму западной культуры и капитализма».³¹⁰

Осознание возрождения ислама должно помочь христианам получить более здоровый взгляд на постмодернизм и глобализацию. Сейчас, как никогда, мы не должны приспосабливать евангелие по каждому пункту к мирской западной культуре, потому что, поступая так, мы будем продолжать общаться с приятными людьми, которые практически ни во что не верят. Пришло время подняться и твердо стоять на самой сути веры. В самом деле, если христиане так будут поступать, возможно, они смогут сотрудничать с умеренными мусульманами в том, чтобы развивать общество, где можно веру выражать полностью, тем самым избегая религиозной свободы, провозглашаемой либеральными демократами. Однако, это может произойти, только если ислам будет проявлять истинный плюрализм, который позволит другой религии, такой как христианство, процветать рядом с их собственной. «В этом и состоит главный вопрос — могут ли ислам и христианство сосуществовать».³¹¹

И здесь представлен второй вызов христианству: смогут ли христиане и мусульмане жить мирно? События 11 сентября заставили многих задать вопрос: может ли ислам найти в себе место для толерантности, подлинного соседства и способности признать основные права человека? И хотя христианство, так же как и ислам, имеет в своей истории примеры бесчеловечного притеснения и принуждения иноверцев, важен вопрос: какой предел насилия присущ каждому из них. Лесли Ньюбигин, на наш взгляд, прав, утверждая:

Что уникального у христианского евангелия, так это то, что люди, призванные быть его свидетелями, преданы официальному утверждению,

³¹⁰ Sardar, "Ethical Connection," 61–62

³¹¹ Jenkins, *The Next Christendom*, 168.

что оно истинно — истинно для всех времен и народов, — и в то же время действует запрет использовать принуждение для его навязывания. Поэтому от них требуется терпимое отношение к неприятию... не в том смысле, что мы должны быть лояльными ко всем убеждениям, а потому, что истина непостижима и все имеют равные права. Толерантность, требуемая от христиан — это не то, что они должны ощущать вопреки своей убежденности, но то, что они должны ощущать из-за своей убежденности в истинности евангелия. Это один из очень важных пунктов различия между исламом и христианством.³¹²

История насилия против защитников прав человека или просто любых несогласных в радикальном исламе — мягко говоря, не бедная. Приверженцы этого крыла мусульманства не гнушаются мечом в поисках сторонников, но не терпят призывов к обращению сами и запрещают переходить в иную религию другим.

Жак Эллюль утверждает, что «война — долг всех мусульман... Война неотъемлема от ислама. Она предписана в их учении».³¹³ Чтобы понять отношение исламистов к насилию, нам следует подумать об идее джихада, или борьбы, которая может быть внутренней или внешней и, если направлена на внешнее, может быть оборонительной или наступательной. Бернард Льюис комментирует: «Из большинства записанных свидетельств мусульманской истории, джихад был наиболее широко интерпретируем как вооруженная борьба в защиту или развитие мусульманской власти».³¹⁴ Мыслители, такие как Питер Риддел и Питер Соттерелл, находят в Коране внутренний конфликт между оборонительным и наступательным подходом: «Является ли ислам религией мира, как считают умеренные мусульмане... или, скажем, это религия, предрасположенная к насилию и священной войне, как заявляют радикальные группы?.. Но разве обязательно это разделять? Мусульманские тексты могут быть истолкованы в любом контексте. Все зависит от того, как их предпочитают читать отдельные мусульмане».³¹⁵

³¹² Lesslie Newbiggin, "Part Four: A Light to the Nations: Theology in Politics," in *Faith and Power: Christianity and Islam in "Secular" Britain*, by Lesslie Newbiggin, Lamin Sanneh, and Jenny Taylor (London: SPCK, 1998), 148–49.

³¹³ Jacques Ellul, *The Subversion of Christianity*, trans. Geoffrey W. Bromiley (Grand Rapids: Eerdmans, 1986), 100

³¹⁴ Bernard Lewis, *The Crisis of Islam: Holy War and Unholy Terror* (New York: Random House, 2004), 37.

³¹⁵ Peter G. Riddell and Peter Cotterell, *Islam in Context: Past, Present, and Future* (Grand Rapids: Baker Academic, 2003), 192.

Радикальный ислам получил разную реакцию со стороны христиан. Некоторые, как Риддел и Коттерелл, утверждают, что суть проблемы — в исламском богословии, которое должно быть изменено умеренными мусульманами, в случае, если нужно достичь мирного сосуществования между мусульманами и всеми остальными. Другие, как Джон Эспозито, признают двусмысленность в исламском писании и традиции, и принимают основное толкование мусульман о том, что терроризм запрещен и является чуждым мусульманским понятием.³¹⁶

Мы действительно считаем, что исламу необходимо определить степень, до которой Коран оправдывает насилие как средство распространения своей веры. В то же время мы убеждены, что наступило время для решения вопросов, которые подняли исламистские террористы, но не прибегать при этом к их методам. Это приведет к тому, что мы станем более критично относиться к собственной роли и роли наших правительств в мировых делах. Подобно Христу, нам нужно всем сердцем желать справедливости. Эспозито правильно указывает: «Раковая опухоль глобального терроризма будет распространяться, чтобы поразить международное тело, пока мы обращаемся к его политическим и экономическим причинам, которые, в противном случае, будут продолжать обеспечивать благоприятную почву для ненависти и радикализма, возникновения экстремистских движений и наемников для бин ладенов этого мира».³¹⁷

Колин Чапман отмечает, как пример, несправедливость, которую Израиль допустил против Палестины: «Илия предсказал голод, но он также осудил Ахава за то, что тот убил Навуфея и забрал его виноградник. Мне больнее посещать сегодня Западный берег реки Иордан, потому что там десятки, нет, сотни виноградников Навуфея — нелегальных израильских поселений на каждой возвышенности».³¹⁸ И дальше он говорит: «Я лично верю, что прежде чем Запад (особенно США) предпримет серьезную попытку более объективно понять гнев палестинцев, арабов и мусульман в израильско-палестинском конфликте,

³¹⁶ John L. Esposito, *Unholy War: Terror in the Name of Islam* (Oxford: Oxford University Press, 2003), 19.

³¹⁷ Esposito, *Unholy War*, 24

³¹⁸ Colin Chapman, "Islamic Terrorism": *Is There a Christian Response?* Grove Ethics Series E139 (Cambridge: Grove, 2005), 23.

пройдет еще много времени, возможно, очень много, до смягчения гнева, который многие мусульмане испытывают к Западу».³¹⁹

Заключение

Мы живем в очень интересное и сложное время. Модернизм атакован постмодернизмом, но в то же время он распространяется по всему миру в процессе глобализации. Как постмодернизм, так и глобализация питают культуру потребительства. Глобальный рост христианства в южном полушарии и рост ислама ставят свои задачи. В результате современная западная культура оказалась в кризисе и неопределенности.

Именно в этом контексте церковь призвана жить на перепутье, на пересечении драмы Писания и историй нашей культуры. Понятно, что это нелегкая задача. На данном этапе постмодернизм низвергает мировоззрения современности и дает христианам возвысить голос, в то же время не являясь толерантным к мировоззрениям, и, конечно, не оставляя места для заявления христиан о том, что евангелие — истина. И все это время, пока секуляризм удерживает позиции на Западе, христианская церковь переживает феноменальный рост в развивающемся мире. Как же нам жить на перепутье?

³¹⁹ Chapman, "Islamic Terrorism," 22. См. также важную книгу Джимми Картера: *Palestine: Peace not Apartheid* (New York: Simon & Schuster, 2006).